

Люди искусства ИГРА ТЕНЕЙ И СВЕТА

Эстония - Таллинн - 1992.

Это имя
вам,
конечно,
известно
- Арво
ИХО.

Сегодня, когда киношатыры заполнены третьесортными американскими комедиями и боевиками (а хороших лент кинопрокат не покупает: дорого), хочу, чтоб читатели знали: в Эстонии существует (и дай Бог - не погибнет) свое прекрасное кино. Я не приукрашиваю и не преувеличиваю: именно прекрасное.

Арво Ихо сорок два года. Сын деревенского кузнеца, он рос в многодетной небогатой семье; трое младших, в том числе и Арво, учились в интернате. Так что сделанный в соавторстве с Лейдой Лайус фильм "Игры для детей школьного возраста" для Арво почти автобиографичен.

Крестьянский сын перепробовал несколько профессий, прежде чем пришел в кино, и потому обладает истинно мужским свойством: он умеет делать очень многое руками, инструментом - не белоручка-интеллигент. Начитан же и сведущ весьма широко; владеет четырьмя языками (английским, например, так свободно, что это позволило ему читать лекции о киноискусстве тоталитарных государств в одном из американских университетов).

В 1976 г. А.Ихо окончил ВГИК и за десять последующих лет снял в качестве оператора 7 полнометражных игровых и около 15 короткометражных фильмов. "Игры для детей школьного возраста" (1985 г.) стали эпохой в его творчестве, с этого времени идет отсчет самостоятельной режиссерской работы молодого художника. В 1988 г. появился "Наблюдатель" (пока, на мой взгляд, лучший его фильм), в 1991 г. - "Только для сумасшедших".

Логика кинопрокатчиков мне неизвестна, но ни "Наблюдатель", ни "Только для сумасшедших" не получили должной рекламы и демонстрировались в Таллине чрезвычайно скупо: по две-три недели в одном кинотеатре. Между тем "Только для сумасшедших" в России до сих пор собирает полные залы, "Наблюдатель" же, приобретенный французской фирмой, вот уже целый год не сходит с парижских экранов и собрал целый букет престижных премий на европейских кинофестивалях. А родные чиновники из Таллинфильма в свое время присвоили ему вторую категорию (оценили, так сказать, на "троечку"); правда, чуть позднее более компетентная комиссия исправила ляпсус, и фильм получил первую категорию. Обиды забываются - шрамы от них остаются.

ЛИЧИНА И ЛИК

"Низкое и высокое, грязное и прекрасное существуют одновременно и имеют право на существование и, как правило, в одном человеке соединяются. Есть лицо, данное человеку от природы; есть личина - та роль, которую человек играет в жизни. Я вижу путь человека через эти три ступени. Это я стараюсь показывать в своих фильмах". (Из бесед с Арво Ихо).

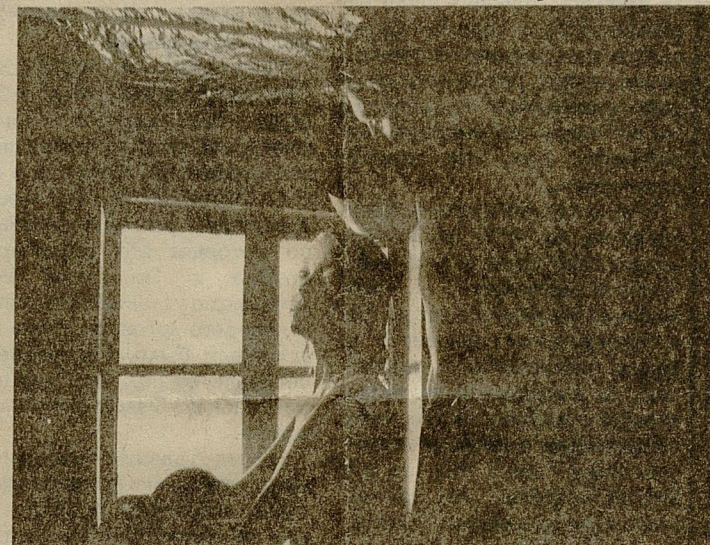
Способность снять мгновение, в котором сфокусирован весь человек, проявилась уже в самых ранних работах А.Ихо - оператора. Показателен в этом смысле

документальный фильм "Человек родился" (1975 г., режиссер Лейда Лайус). Очень, кстати, добрый и светлый фильм. Авторы хотели назвать его "Мадонны", да вот беда: идеологическая цензура не позволила. А сняты и впрямь Мадонны: будущие мамы, чуть смущаясь перед камерой, рассказывают, как почувствовали они впервые, что их - двое, вообще что это такое - материнское чувство; потом в предродовой палате они маются ожиданием и страхом, камера вглядывается в отечные черты рожиц, напрягающихся в родовых схватках, но вот - первый крик ребенка... Вот оно - смешное, омытое водичкой, розовое, орущее дитя. Кинокамера запечатлела, как женщины смотрят на своего ребенка - неповторимый по чистоте и высоте миг счастья! - Как они позволили вам снимать все это?

- Им некогда было! - смеется Арво. С некоторыми из своих героинь Арво сохраняет дружбу до сих пор, и - я думаю - все эти женщины благодарны ему: он сохранил лучшие минуты их жизни.

Мужские портреты в этом фильме куда более лаконичны: несколько движений, поза, выражение глаз - всего секунд 20 на экране. Но секунды эти выбраны снайперски.

Ну зот хотя бы этот тощенький будущий (или уже настоящий?) папаша. Галстук, пиджачок, волосок к волоску на узкой головке. Поправил галстучек, понюхал три цветочка в тощеньком пакете (или там один цветочек?), зачем-то развернул бумагу, убедился, что цветы целы; снова завернул - но аккуратно не смог, помял бумагу;

обеспокоенно озирается - чувствует, что ли, что его наблюдают... Насмешливо, даже ядовито снято. Такие жалкие самолюбцы обычно бывают домашними тиранами.

Но и другие мужские портреты жалковаты - быть может, в этой ситуации мужчина и не может сохранить мужское достоинство? А может быть, такими их увидел Арво Ихо: он "помог", поспособствовал этой смешной жалковатости мужских портретов: снимал замедленной съемкой, вместо 24 кадров в минуту - 20, на экране же его мужчины двигаются чуть быстрее обычного, как это бывает в старых немых лентах. Отсюда и комический эффект смешной суеливости.

Все во власти оператора! Ведь и Мадонн своих Арво чуточку приукрасил: иконописность их лиц зависит не только от духовной высоты момента, но от оптики и света, которыми распоряжается оператор.

Это умение уловить мгновенное движение души составляет одно из очарований игровых фильмов Арво Ихо, в особенности "Наблюдателя". Вероятно, самому режиссеру труднее дались продолжительные эпизоды, такие, например, как тот, в котором Александра стреляет в Пеэтера. Эпизод этот распадается на три сцены, и снят

его в едином настроении, сохранив естественность перехода из одного состояния в другое, было, конечно, трудно. Тем более, что размах колебаний в настроениях героев очень велик: от праведного гнева Пеэтера, на который Александра отвечает взрывом какой-то кошачьей ощеренности, через неудавшееся убийство (только случайность спасла Пеэтера) к нежнейшей ночной сцене любви. 23.1.92.

- Как вам удалось найти их?

- Я имел какие-то внутренние образы. Для меня ясно было, что женщина должна быть подобна камешковой кошке, а молодой человек - чайке. Я не знал Светлану Тормахову, я просто описал моим друзьям на разных киностудиях, какая мне нужна женщина: с высокими скулами, несколько раскосыми глазами - желательно зелеными, с манерами грубоватыми, но чтобы фигура была очень женственна, лет сорока, лучше - за сорок.

Много актрис приезжало в Таллинн, но Светлану я узнал сразу, на Балтийском вокзале. Она меня не знала и шла впереди, а я увидел эту полную фигуру, походку, а когда она обернулась, - эти скулы, глаза, и я узнал: это она, Александра.

А молодого человека я искал с лицом замкнутого, неразговорчивого и с какой-то внутренней тайной. Эрик Руус - актер Раквереского театра, это его первая роль в кино. Я хотел, чтобы артисты были неизвестны, чтоб в кино шли не на артиста, а посмотреть человеческую историю.

Однако "история" сюжета, как ни круто они повернуты, интересны А.Ихо не сами по себе (что характерно для приключенческих или детективных фильмов), но поскольку в них раскрываются характеры. Многообразие, неожиданность, парадоксальность характеров возбуждают в Арво пристальный интерес, какое-то детское любопытство, он разглядывает своих героев, порой недоумевая, иногда восхищаясь...

Рита ("Только для сумасшедших", 1991, в роли Риты Маргарита Терехова) так остро чувствует чужую беду, бросается на помощь, не думая о себе, - она святая? Режиссер и оператор снимают ее иконописно: она поставлена в перекрестке световых потоков, кажется, свет излучает она сама - ее высокий лоб, светлые волосы. Коричневый халат санитарки и швабра, которой она моет пол, преобразуются в смиренное одеяние и посох монашенки. "Не фиксировать, не преобразовывать", - этот свой тезис Арво Ихо реализует не только в художественных, но даже и в документальных лентах, о которых в этой статье просто некогда говорить. И, конечно, в "Только для сумасшедших" момент преображения очень и очень значим.

И все-таки женщина, которая так больно уязвляет мужа (спасая другого мужчину собственным женским телом), так оскорбляет и отталкивает дочь, - она святая или грешница? "Я не хотел бы однобоко стоять на стороне какого-то персонажа своих фильмов, я пытаюсь увидеть происходящее объективно, отстраненно". Можно сказать, что и в "Наблюдателе" Арво не принимает ничьей стороны, ни Александры, ни Пеэтера. Но некий суд и в том, и в другом фильме свершается. В роли судьи - смерть. Она выбирает лучших, праведников, смерть превращает героя в мученика, а его противников - в преступников.

Между тем обе смерти - и Риты, и Пеэтера - необходимы: они не вытекают из неразрешимого конфликта со средой или человеком. Конфликты в обоих фильмах трудны, противостояние непримиримо, но не смертельно. Обе гибели завершают, закрутят сюжет, ставят последние точки и, пожалуй, свидетельствуют о тяготении Арво Ихо к трагическому восприятию жизни человека. Не жизни вообще, не жизни Земли, а именно жизни людей, ибо для него это совершенно разные понятия.

В "Наблюдателе" есть какая-то странная тоска по пространству, по чему-то загребельному. Отдельно от гербея в фильме живут просторы моря и неба; скалы с крикливым птичьим базаром; темные и влажные провалы среди камней и светлые пятна освещенных солнцем скал. Отдельно от людей существует игра красок восходов и заходов, один только раз вписываются герои фильма в панораму моря и неба: когда, уподобившись первым людям, став частью природы, нагие они бредут по берегу темными силуэтами на оранжевом фоне неба. "Тоска по заповедному" - это выражение принадлежит самому Арво Ихо.

"Я хотел бы, чтобы внутри зрителя что-то начало болеть и что-то стало бы вырастать. Пусть человек не всегда сможет сформулировать, что в нем происходит. Но в глубинах пласта сознания и даже подсознания что-то произойдет. Кино - это только движение теней на белом полотне. Но, как ни странно, эта игра теней может вызвать потрясение и что-то изменить в человеке".

Фильмы Арво Ихо многослойны. На первый взгляд, "Наблюдатель" - частная история любви людей разного возраста, разных, даже исключая друг друга

миропониманий, разных характеров.

Но это не только столкновение двух индивидуально-стихотворных противостояний двух культурных традиций. Пеэтер - эстонец, в нем, как в носителе финно-угорской культурной традиции, живет благоговение перед природой, убеждение, что человек не имеет права вредить и даже просто вмешиваться в природные процессы, человек может лишь наблюдать, изучать. Это взгляд ученого, орнитолога, но это и народный взгляд.

Александра же несет в себе внешне национальное, советское миропонимание. Ее неуважение к себе, к окружающим, к жизни человека ("А что мне твоя жизнь?" - для нее эти слова не поза, это ее истинное отношение) распространяется и на природу. Она - хранительница заповедника, лесник! - сама ставит самострелы на лосиных тропах, ловит сетями семгу. Клочок земли вокруг ее дома - единственное уродливое место на острове. Она сама затоптана жизнью, и, кроме собственных детей ("Я за своего ребенка горло перегрызу!"), ничего нет на свете, чем бы она дорожила. Очень по-советски: на чем работаю, то ворую. (Это и кражей у нас не считалось). Принципы, в соответствии с которыми живут "совки" - "мне не больше всех надо" или "мне все - до лампочки", не имеют национальности.

Итак, второй, глубинный слой фильма - это столкновение двух культурных традиций. Но есть и третий слой: противостояние Человека-Космоса. И, может быть, если бы в фильме не было этих панорам неба и моря, пленительной красоты закатов, пенного прибоя, черных силуэтов скал на алом небе, - если бы всего этого не было, то и фильма не стало бы.

Тяготение к Космосу, понимание человека как частицы Космоса очень важно для фильмов Арво Ихо, будь то коротенькая документальная лента или художественная картина.

Я вполне сознаю, что тема далеко не исчерпана. Я только надеюсь, что читатель отметит еще раз для себя имя эстонского режиссера Арво Ихо и, увидев это имя на афише, войдет в кинотеатр.

Эсфирь СОКОЛ.

На снимках:

Арво Ихо.

Кадры из фильма "Наблюдатель".

Фото А.САРА.